

ЛУ ЦЮЧА

Весенний
обряд

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кит)-44
Л 82

陆秋槎
元年春之祭

Серия «Азиатские исторические детективы»

Original published in Simplified Chinese by New Star Press Co., Ltd in 2016, This Russian translation edition is arranged through Nova Littera SIA and Gending Rights Agency (<http://gending.online/>).

Перевод с китайского *Екатерины Князевой*
Оформление обложки *Екатерины Климовой*

Лу, Цюча.

Л 82 Весенний обряд: [роман] / Лу Цюча; — [перевод с китайского Е. Князевой]. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Азиатские исторические детективы).

ISBN 978-5-17-171600-4

Древние горы Юньмэна хранят тайны, которые лучше не тревожить. Четыре года назад в усадьбе рода Гуань была жестоко убита семья: отец, мать, двое детей. В живых осталась лишь юная Жоин — избитая, едва дышащая, в тот вечер сбежавшая в метель. Она утверждает, что не видела убийцу. Но следы на снегу говорят обратное — рядом с домом была только она.

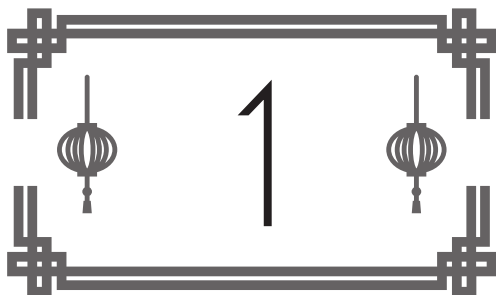
Когда в Юньмэн прибывает Сяокуй, охотница и ученица столичных мудрецов, она узнает о давнем преступлении и вовлекается в расследование. В поисках истины Сяокуй сталкивается с древними обрядами, семейными проклятиями, подавленными воспоминаниями и страхами, которые могут свести с ума. Логика рушится под тяжестью противоречий, но настоящий ужас настигает ее, когда она находит новое тело.

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кит)-44

ГЛАВА 1

*Буду ждать терпеливо, покамест в начале года
Ранним и ясным утром солнце взойдет спокойно.
До глубины души я радостен и растроган,
В светлом брожью волненье около рек глубоких.¹*

¹ Цюй Юань, «Думаю о любимом человеке» («Я думаю постоянно о человеке любимом...»), «Девять элегий» из цикла «Древние чувские строфы». Перевод – Гитович А. И.

В первый год правления императора У-ди на закате одного из майских дней молодая девушка, выпустив стрелу из лука, убила дикую птицу в лесах Юньмэна. Охотница была одета в короткую куртку и узкую длинную, до пят, юбку, к поясу которой крепилось особое кольцо для оружия. За ее спиной висел колчан из буйволиной кожи — обликом девушка в точности походила на воина. В тени деревьев скрывалась от вечерней духоты ее спутница, поверх длинной юбки которой был надет фартук. В руках она держала добычу своей подруги.

Лук охотницы, подаренный отцом, был изготовлен знаменитым столичным мастером в строгом соответствии с древними традициями. На его создание ушло больше года. Плечи были выполнены из древесины клубничного дерева, произрастававшего в округе Дунхай, срубленного в суровые зимние морозы. С приходом весны буйволиные рога, добытые накануне осенью, замачивали для последующей обработки. Летом тщательно дубили сухожилия оленя милу.

С наступлением новой осени обработанные рога и сухожилия при помощи особого красного клея соединяли с древесиной, а затем обвязывали шелковой нитью и покрывали лаком. Наконец, изделие оставляли сохнуть на зиму, чтобы клей и лак затвердели.

Охотница очень дорожила этим подарком и неизменно аккуратно обращалась с ним во время тренировок, чтобы не повредить и не испачкать. Тем не менее сегодня она впервые застрелила из него живое существо. Девушке не сразу удалось пристреляться по движущейся, живой мишени, поэтому она потратила несколько стрел впустую, чем рассмешила свою подругу. Не успело эхо ее смеха смолкнуть среди деревьев, как алая кровь первой жертвы брызнула на вербейник.

Молодая охотница родилась и выросла в столице². Горные леса, окружавшие город, по большей части принадлежали императорской семье. И хотя девушка училась стрельбе у бывшего генерала императорской армии, ей редко предоставлялась возможность поохотиться, поэтому сегодня сбылась ее давняя мечта — она смогла полностью посвятить себя этому промыслу.

Кроме того, в этом районе Юньмэна располагались охотничьи угодья правителя царства Чу³.

² Чанъань — древняя столица нескольких китайских государств. Была местом назначения торговых караванов, которые шли по Великому шелковому пути в Китай. Сегодня на месте Чанъаня расположен город Сиань.

³ Царство Чу — царство в южном Китае во время периодов Чуньцю (722–481 гг. до н. э.) и Чжаньго (Сражающиеся царства 481–221 гг. до н. э.). На пике могущества под властью Чу находилась территория современных провинций Хунань, Хубэй, Чжэцзян, частично Цзянсу, Цзянси, Аньхой и Фуцзянь, а также территория, где сейчас находится город Шанхай.

В прежние времена с наступлением декабря приходила пора оттачивать военное искусство. Правитель царства Чу возглавлял охотничью процессию. Стоя в яшмовой колеснице с резным луком в руках, он метко стрелял в лесную дичь. В этот час стрелы сыпались градом, кровь летела во все стороны. После того как пронзенные насквозь животные падали, будучи больше не в силах подняться, их тела дробили колеса повозок и колесниц и давили тяжелой поступью пехотинцы. Одетые в прозрачные, словно утренний туман, платья из тончайшего шелка молодые девушки пускались в пляс среди кровавого месива, и края их рукавов, ниспадавших до земли, мгновенно пропитывались кровью...

И только на двадцать первый год правления Сян-вана выдающийся полководец царства Цинь⁴ Бай Ци, возглавив войско, штурмом взял Ин-ду⁵, и тогда озеро Юньмэнцзэ тоже перешло в его руки. С тех пор циский ван учредил здесь южный уезд, снял запрет на охоту в горах и ввел специальную должность управляющего Юньмэном. По прошествии ста лет ровные участки Юньмэна были распаханы под сельскохозяйственные угодья. Лишь горные кручи благодаря крутым, неприступным склонам сохранили первоначальный вид и до сих пор служили местом заготовки дров и охоты местных жителей.

⁴ Царство Цинь — царство в древнем Китае, которое сначала было удельным княжеством, а потом смогло объединить Китай. Существовало с 771 по 221 гг. до н. э., в эпоху формального правления династии Чжоу в периоды Чуныцю и Чжаньго.

⁵ Ин — столица царства Чу в периоды Чуныцю и Чжаньго. Ин-ду букв.: «столица Ин».

— Я слышала, что конфуцианцы ловят рыбу при помощи удочки и никогда не используют сеть. Они охотятся, но никогда не стреляют в птиц, которые сидят в гнездах. Если Сяокуй настолько чтит конфуцианское учение, то стоит ли ей убивать дичь подобным образом? — с упреком заметила одетая в фартук девушка, подняв с земли только что испутившую дух птицу. Она с отвращением отвела взгляд от добычи подруги, тем не менее крепко сжимая ее в руке. На самом деле, когда прибывшая из Чанъани Юйлин Куй предложила подстрелить немного дичи к столу, у не слишком дипломатичной Лушэнь потекли слюнки, и в тот момент, когда стрела пронзила плоть фазана, обагрив его перья кровью, в душе она не испытала ни малейшего сожаления.

Вероятнее всего, она сказала так только потому, что сама не умела стрелять из лука и чувствовала, что в этом плане уступает Сяокуй, с чем внутренне никак не могла примириться. Однако же серия поражений, которые ей предстояло потерпеть от Сяокуй, только началась. Вскоре она вновь почувствует себя раздавленной и униженной.

— Лушэнь, вероятно, не знает, — Куй всегда начинала разговор с этой фразы, а Лушэнь всегда демонстрировала полное невежество относительно предмета их разговора, — что тот самый учитель, который «всегда ловил рыбу удочкой и не ловил сетью; стрелял птицу летящую и не стрелял птицу сидящую», после пожара в конюшне вышел из дворца и спросил: «Пострадал ли кто-нибудь из людей?» — и не спросил о лошадях. Если Лушэнь испытывает столь сильное сострадание в отношении тех, что служат

пищей людям, зачем же она пошла вместе со мной на охоту?

— Я лишь следовала приказанию отца указать тебе дорогу, но не собиралась пачкать руки кровью и помогать тебе в убийствах.

Хотя девушки познакомились только сегодня утром, они уже беседовали как старые знакомые.

— Все с точностью наоборот: стрельба из лука — это не просто искусство убийства. Как сказано в «Ли цзи»⁶: «Гуманный человек подобен лучнику. Лучник сначала выпрямляется, а потом уже пускает стрелу; выпустив и не попав в цель, он не ропщет на победившего его, а только старается отыскать причину неудачи в самом себе». Если сравнивать стрельбу из лука с боевыми искусствами, в которых соревнуешься с противником, — в стрельбе из лука в значительной степени ты соревнуешься сам с собой, преодолевая собственные несовершенства, достигаешь предела «гуманности».

— Прежде чем изрекать столь мудреные речи, Сяокуй следовало бы сначала взглянуть в глаза жестокой реальности, на эти тушки, на их глубокие раны. Неужто это и есть то, что ты называешь «гуманностью»? Если твое стремление к добродетели столь сильно, то следует упражняться в стрельбе по мишеням или участвовать в состязаниях. Стремиться убить живое существо... Чего ради? Правда заключается в том, что ты просто любишь вкус дичи, а своими

⁶ «Ли цзи» («Записки о правилах благопристойности», «Книга ритуалов») — один из главных канонов конфуцианства. Текст «Ли цзи» был составлен в IV—I вв. до н. э. и включен в состав конфуцианского Пятикнижия.

казуистикой и цитированием канонов пытаешься прикрыть низменные желания. Вы в столице все такие?

— Раз уж ты сама коснулась этой темы, то ответ: как уроженка Юньмэна, ты, конечно, знаешь, почему в названии озера Юньмэнцзэ есть иероглиф «благодаяние»?⁷

— Конечно, знаю. Хотя мои знания и меркнут в сравнении с твоими, я все же тоже благородных кровей. Как я могу не знать таких элементарных вещей? — Щеки Лушэнь раздулись от гнева, однако в глубине души она не была уверена в своем ответе. — Юньмэн изобилует озерами и реками, поэтому озеро и называется «Юньмэнцзэ».

Куй не смогла удержаться и расхохоталась.

— Образованным людям сложно сдержать смех, услышав подобное объяснение, бытующее среди обывателей.

— Ну, тогда пусть эти «образованные люди» просветят меня.

— Как сказано в «Ли Цзи», — делая паузу после каждого слова, начала объяснять Куй, — «Сын Неба прежде, чем совершить жертвоприношение, должен сначала практиковаться в стрельбе из лука на болоте. Болото — это место, где избирают достойного»⁸. Иными словами, только люди, которые так же, как и я, могут попасть стрелой в дичь, являются достойными и могут быть допущены к совершению

⁷ Игра слов. В названии озера Юньмэнцзэ действительно присутствует иероглиф 泽 (цзэ) — «болото», «озеро», одно из значений которого — «благодаяние», «милость», «добро».

⁸ Игра слов. Иероглиф 泽 (цзэ) — «болото», «озеро» созвучен иероглифу 择 (цзэ) — «избранный», «достойный».

жертвоприношений. Хотя Юньмэн действительно изобилует озерами и болотами, по сей день осталось также немало невозделанных гор и лесов, в которых в изобилии водятся дикие звери и птицы, что среди прочего делает Юньмэн прекрасными охотничьими угодьями. И хотя их редко посещают с охотой, да и размах охотничьих процессий не тот, что при правителе царства Чу, однако и ландшафт, и природа столь же величественны, как прежде, и можно представить себе, как все происходило тогда. Поэтому совершенно естественно, что я хочу следовать обычаям древних и, подстрелив нескольких птиц, сохранить их в качестве трофеев.

— То есть это не для пропитания? — С этими словами Лушэнь взвесила связку тушек в своей руке, мысленно прикинув, сколько готовых блюд могло бы из них получиться.

— Ты говоришь так, словно никогда в жизни не ела мяса дикой птицы. — Куй вытянула из колчана на спине стрелу, недобро ухмыляясь. — Так или иначе, столь неуклюжее создание, как ты, вероятно совершенно непригодно для стрельбы из лука по движущейся мишени, не так ли?

— Я умею пользоваться самострельным луком.

Род Гуань, проживая в глуши, вдали от мира, в целях защиты от хищных зверей не пренебрегал теорией и практикой искусства сражения холодным оружием. Женщины и дети, для которых короткие мечи были неудобны в использовании, обучались стрельбе из самострелов.

— Что? Самострел? — Пренебрежение велеречивой Куй, выраженное столь кратким образом, дошло

— — — — —

даже до не очень сообразительной Лушэнь. — Если бы все оружие делилось на оружие для благородных людей и для простолюдинов, то самострел, несомненно, был бы оружием простолюдинов. Лушэнь, ты производишь из древнего рода, поэтому тебе не следует унижать ни себя, ни твоих предков подобными вещами.

— Что плохого в самостреле? Почему ты отвергаешь его? — возразила Лушэнь. — Я слышала, что даже выходец из знатного рода генерал Ли Гуан, командовавший войсками императора, также всегда «стрелял из тысячи самострелов». Его мастерство стрельбы вне всяких сомнений значительно превосходило твое, а он не запрещал своим солдатам пользоваться самострелами.

— Генерал Ли Гуан — один из моих кумиров. Жаль, что я родилась слишком поздно и не застала его при жизни, чтобы учиться у него. Ты говоришь правду: солдаты, вооруженные самострелами, под его руководством разгромили гуннов. Как-никак в сравнении с обычным луком самострел гораздо эффективнее в скорости стрельбы и проще в использовании, что позволяет солдатам сэкономить силы. Минимум усилий и подготовки обеспечивают максимальный результат. Более того, даже самый отважный полководец, который едва ли может натянуть лук на три даня⁹, легко натянет самострел на четыре с лишним благодаря спусковому механизму.

— Вот поэтому я и говорю...

— Вот поэтому самострел — это наиболее подходящее оружие для простолюдинов. — Куй, склонив

⁹ Дань — мера объема сыпучих тел, равная 100 л.

голову набок, снова нарочито окинула Лушэнь выразительным взглядом. — И я только что обнаружила, что один из этих простолюдинов стоит прямо передо мной.

— Ты потратила столько времени, обучаясь искусству стрельбы из лука, в то время как другим достаточно только натянуть спусковой механизм самострела, и они смогут выпустить стрелу гораздо дальше и гораздо точнее, чем ты. Я правда не понимаю, на чем основано твое чувство превосходства... Держишь в руках устаревшие и изношенные вещи, а сама рассуждаешь о «знатности», «благородстве» и «учености». В конечном итоге это всего лишь форма самосожаления, не так ли?

— Верно. Наши с тобой предки благородных кровей, однако они обречены на то, чтобы потомки смеялись над ними. Я весьма старомодна и стремлюсь к идеалам мудрости и этикета древних, мне претят современные взгляды. — Словно в подтверждение ее слов, багровые облака, плывшие по горизонту, налились свинцом и повисли практически над их головами. — В самом деле, настало время таких, как ты, эта эпоха не для меня.

— Сяокуй... — Лушэнь растерялась, увидев, как ее собеседница пала духом. Хотя в глубине души она прекрасно осознавала, что является не кем иным, как «простолюдинкой», по выражению Куи, и это отнюдь не вызывало у нее радости. Но и особо сильного возмущения по этому поводу она не испытывала. Так же хорошо она понимала и то, что ее знания, ее искусство владения оружием, вне всякого сомнения, не идут ни в какое сравнение со знаниями и искусством ее предков.

Разумеется, о своих предках она знала немного.

— По правде говоря... — заговорила Куй, словно о чем-то вспомнив, и в этот момент в только что почерневших закатных облаках показались проблески заходящего солнца, которые отразились в ее глазах, — ...ты родилась и выросла в этих местах, доводилось ли тебе читать «Оду о Цзы-сюе» Сыма Сянжу? В ней говорится о посланнике по имени Цзы-сюй, который отправился с визитом в царство Ци и был приглашен циским ваном сопровождать его во время охоты, а после сразу же написал оду об этом событии, происходившем в Юньмэне.

— Нет, не читала.

— В ней есть такие строки, посвященные Юньмэну... — Сяокуй начала неспешно декламировать:

« [Его] называют Юньмэн, и [это] Юньмэн таково, что площадь его девять сотен квадратных ли, а посередине него есть гора.

И [на] горе [той]

[Тропинки] вьются кругами и возвращаются вспять, [взбегают] по склонам, [теряются] в густых [зарослях],

[Ее отроги] возвышенны и величественны, высоки и обрывисты.

В беспорядке соседствуют острые скалы и расщелины,

Солнце и луну [они] заслоняют то больше, то меньше,

Соприкасаются и смешиваются, свиваются и путаются,

Вершины вонзаются в синие тучи,

═══════

[Склоны] сползают в воду, откосы обрушиваются,

*Ручьи стремятся вниз, [чтобы] влиться
в крупные реки.*

А земли [там]

*Киноварные, сине-зеленые, охристые, меловые,
Золотистые, белые,
Оловянные, лазурные, золотые, серебряные,
Множество цветов, ослепительный блеск,
Сверкают, словно чешуя дракона.*

А камни [там]

*Красная яшма [и] мэйгуй,
Драгоценная яшма, [простой] минь, куньу,
Чжэньлэ [и] черный [точильный] камень,
[Самоцветы] жуаньши и уфу.*

А к востоку от того места

*Базеликовые луга, копытенъ, орхидеи,
Ангелика, поллия, беламканда,
Цюңцун, аир,
Цзянли, миу,
Сахарный тростник, имбирь.*

А к югу

*Равнины и широкие болота
То поднимаются, то [плавно] опускаются,*

— — — — —

*Плоские низменности, обширные плато
Окаймлены Великой Рекой,
Ограничены [горами] Ушань.*

На сухих возвышенностях там растут

*Физалис, овес, бао, ирис,
Полынь, осока, сыть.
Во влажных низинах там растут*

*Перистощети́нник, тростник,
Злак дунцян, болотный рис,
Лотос, тыква-горлянка,
Полынь, орехокрыльник.
Множество разных растений,
Невозможно их все описать.*

А к западу оттуда

*Бурлят ключи, [раскинулись] прозрачные озера,
Бурные ручьи пробивают себе дорогу,
По берегам их цветут лотос и водяной орех,
[Ручьи] прячутся в огромных камнях [и лас-
кают] белый песок.*

В глубине [вод] там

*Священные черепахи, водяные драконы, кро-
кодилы,
Морские и обычные черепахи.*

А к северу оттуда